

фантастическая
история

Виктор Сиголаев
**Фатальное
колесо.**
Дважды в одну реку

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Виктор Анатольевич Сиголаев
Фатальное колесо.
Дважды в одну реку
Серия «Фатальное колесо», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25744046

*Фатальное колесо. Дважды в одну реку: Фантастический роман:
Альфа-книга; Москва; 2017
ISBN 978-5-9922-2476-4*

Аннотация

Никто не понял, как наш современник, офицер запаса и учитель истории, попал в свое собственное прошлое. Снова в тело семилетнего мальчишки. И снова во времена торжествующего развитого социализма, когда, насколько помнил наш герой, и радости и счастья кругом было на порядок больше. Все так, вот только, на взгляд взрослого человека, в солнечной стране под названием «Детство», оказывается, не все так идеально, как раньше подсказывала память. Получается, что здесь тоже есть и подлость и жадность. Есть и воры, и бандиты, и мошенники всех мастей, правда, ребенком ты раньше их не замечал. А сейчас с этим надо что-то делать. С этим просто необходимо бороться, ведь зло не знает преград во времени. И в зоне видимости опять появляются враги. Жестокие и коварные. Умные

и беспощадные. К тому же кое-кто из них нашему герою кого-то очень сильно напоминает. Так семилетний герой с двумя высшими образованиями, с боевым офицерским опытом и памятью, обожженной лихими постперестроечными годами, начинает свою маленькую войну, взяв в союзники ни много ни мало... Комитет государственной безопасности СССР. И неожиданно находит там новых друзей. Да таких, за которых можно и жизнью рискнуть!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Виктор Сиголаев
Фатальное колесо.
Дважды в одну реку

© Сиголаев В. А., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Глава 1

Игры на свежем воздухе

Бывает же такое!

Удивили, что и говорить...

По всему получается – драться пацанам на этот раз вообще не хочется. По крайней мере, в данном конкретном случае. И это несмотря на то что сегодня суббота! И что на «место встречи», которое, как известно, «изменить нельзя», дворовые дружины дисциплинированно явились в полном составе, как того и требовали неписанные законы почтенного хулиганского братства.

Да только... м-да...

Уж больно мирным и уютным был теплый весенний вечер апреля одна тысяча девятьсот семьдесят четвертого года. До противного мирным! До приторной оскомины. До безобразного превращения подрастающих хищников в жалкое травоядное стадо.

Куды котимся?

Малолетние бойцы кучками слонялись по периметру театра боевых действий, безмятежно смолили дешевые болгарские сигаретки и, как было исстари заведено, беззлобно переругивались с оппонентами напротив. Те в свою очередь группировались на другой стороне пустыря, благодуш-

но поглядывали в нашу сторону, огрызались все-таки согласно этикету, но... должной активности не проявляли. Вели себя, можно сказать, по-свински миролюбиво и возмутительно дружелюбно. Царила атмосфера вселенского долготерпения и вопиющего пацифизма.

Если не сказать... пофигизма.

Изредка, якобы для запала, мелкота швыряла голыши на вражескую территорию. Во всяком случае, уж точно в нужном направлении. Долетали «снаряды» до цели или нет – дело третье. Тем не менее эти общепринятые и проверенные на практике штатные провокации сегодня нужного результата не давали. Для полноценной битвы катастрофически не хватало соответствующего эмоционального настроя.

Злобы не хватало! Ненависти!

Собственно, не будем себя обманывать: настоящей ярости в этих междворовых потасовках особо не наблюдалось и прежде. Как правило. Дело было в том, что противники знали друг друга очень давно. С пеленок буквально. С ясельных групп и детского сада. Вместе учились в одной школе, которая для обоих дворов была ближайшей. Вместе ходили в общий, расположенный сразу на двух территориях летний кинотеатр, за которым, к слову, и находился пустырь для еженедельных выяснений отношений. Вместе посещали одни и те же кружки во Дворце пионеров, вместе загорали на одном и том же пляже.

Да что там говорить! Кое у кого даже родственники име-

лись в стане врага. Дальние, разумеется. И кто же тут виноват, коли злодейка-судьба раскидала этих бедолаг единокровных по разным сторонам дворовой баррикады?

Такая вот жестокая штука жизнь, брат!

Не взыщи и получай... по-братски...

Обычно после красочной сшибки стенка на стенку и обмена звонкими затрещинами драка превращалась в беспорядочную и веселую куча-малу. Борьба, говоря языком спортивных комментаторов, переходила на нижний уровень. В партер. До первой пары-тройки расквашенных носов, или пока кто-то не запросит пощады, оказавшись на свою беду ближе всего к земле.

В этих случаях проигравшая сторона безропотно удалялась, а победители тащили на центр пустыря мятые консервные жестянки – для игры в «пекаря». Для чего формально и устраивались эти самые субботние баталии. Традиция, родившаяся, надо полагать, еще во времена царя Гороха.

А вот на этот раз даже банки пинать не хотелось!

Шпана благодушно щурилась на весеннее солнышко, греясь в его лучах, наслаждалась предвкушением грядущего выходного дня и совершенно не понимала, как выйти из этой патовой ситуации, сохранив и лицо, и обычаи.

Цугцванг, однако...

На кой черт меня сегодня потянуло к этим экстремальным забавам на свежем воздухе? Книжку бы лучше почитал! Реально – просто времени жалко. И ведь никто здесь так просто

расходиться и не собирается. Принципы, однако. Традиции.

До чего же упертый народ!

Я огляделся.

Да уж. Картинка, достойная художника Васнецова. Под названием: «Деморализованные полки на несостоявшемся поле Куликовом». Ну что ж, пожалуй, придется вмешиваться самому. Рвать, что называется, этот фатальный замкнутый круг. Переводить безнадежную шахматную партию к банальной игре «в Чапая».

Чего не сделаешь для драгоценных товарищей?

Правда, я из «пехоты» в силу своего малолетства. Без должного авторитета. «Пушечное мясо», по общепринятым меркам. Но ведь никто не знает, что в голове у семилетнего «шпака» чудом оказались мозги сорокадевятилетнего мужика! Уже без малого год и по совершенно неизвестным мне причинам.

Так уж получилось.

К тому же я владею некоторыми секретами, способными придать солидный вес любой фигуре на этом поле Куликовом. Могу превратить, так сказать, пешку в ферзя. Авансом и досрочно...

Я вышел на центр.

Начинаем шоу. Которое должно продолжаться, как известно. Попрошу зрителя в зал. Итак – мини-пантомима! Невербальные наброски. Увертюра, если можно так выразиться, для привлечения предварительного внимания уважа-

емой публики.

Значит, так: руки в боки, левую ногу вызывающе выставить перед собой, нагло задрать подбородок повыше. И обязательно сплюнуть! Сквозь зубы и как можно дальше – в сторону вражеского стана.

Я непроизвольно скосил глаз: на башмак не попал себе случайно? Вроде бы нет.

Ага! Кажется, заметили.

Теперь, чтобы не терять темпа, необходимо запускать текстовую часть! Как-то так:

– Эй, «Балка»!

«Балка» – это имя собственное. Так мы зовем противостоящую нам группировку. По топографическому признаку.

Усугубляем:

– Кресты из оврага!

Это уже не так уважительно, как вначале, если не сказать больше. «Кресты» – производная от «крестьяне»: намек на малоэтажность застройки вражеской территории. Считается обидным...

Закрепим:

– Эй! Чего там сопли жуем? А? Давай бойца на центр! Один на один. Слабо?

Ого, как зашевелились! Напоминает встревоженный муравейник.

Не решусь дословно привести здесь ответные реплики потенциального противника, прозвучавшие на фоне уничижи-

тельных смешков и демонстративных ответных сплевываний в мою сторону. Общий смысл приблизительно такой: «Достаточно ли вам лет, совершенно неуважаемый сударь, для столь дерзких и недвусмысленных заявлений в адрес такого серьезного количества солидных и, без всякого сомнения, высокоуважаемых людей?» Это, разумеется, приблизительно. В оригинале... чуть более экспрессивно, что ли.

– Чего дрейфанули-то, крестики? А? Мальца шугаемся?

А вот это уже серьезно! Это – реальная заявка на событие.

Потому как за такое – как минимум «по шее», независимо от возраста. Так выглядит «точка невозврата», пройденная публично и при свидетелях.

И... назад уже дороги нет.

Тела зашевелились теперь и с моей стороны: люди отбросили сигаретки, перестали играть в «чу» и втыкать «ножички» в прессованную землю. Народ стал заинтересованно подтягиваться к эпицентру событий, с любопытством наблюдая за редкой и нестандартной ситуацией.

Вообще-то формально я своих подставлял.

Мое предложение по всем параметрам мальчишеской драки заведомо проигрышное. Разумеется, реального бойца оппоненты не выставят – своеобразный дворовый этикет, знаете ли. Но чтобы унять зарвавшегося сопляка, возомнившего о себе невесть что, хватит и война средней руки. Здесь главное – формально обозначить победу, которая предполагает впоследствии настоящий шквал позорящих наш двор

унижений и обидных комментариев. И все это будет продолжаться в ближайшем обозримом будущем. Целую неделю ходить в аутсайдерах районной молвы! Высоки ставки-то.

Так и получалось, что многовато я на себя брал.

За моей спиной по этому поводу уже кое-кто недовольно взрыкивал, но... вмешиваться сейчас – это уже не по понятиям. Слово прозвучало! А оно, как мы знаем, не воробей...

На другой стороне ристалища истерично шуршали совещательные процедуры. Говорю же – нештатная ситуация. Впрочем... особых разногласий у противника не обнаружилось, посему долгими ожиданиями почтенное общество никто отягощать не стал – бойца-дуэлянта определили быстро.

На центр пустыря от «балки» шагнул крепко сбитый смуглый паренек татарской наружности.

Тоха!

За спиной судорожно вдохнули и, шипя досадливо, синхронно выпустили воздух сквозь сурово сжатые зубы.

Коварству «балочных» не было предела!

Тошка Исаков был почти моим ровесником. Может, на год-другой старше, но выглядел на все двенадцать лет. Одноклассник Трюхи-поджигателя с нашего двора, кошмар учителей и зубрил-отличников вплоть до четвертого класса. Иными словами – хоть и моей возрастной категории, но шансов у наглеца оставить был не должен.

На какой-то миг в сознании колыхнулась паника. Не моя, ребенка, в голове которого чудом оказался взрослый. Спо-

койно, малыш! Ты справишься. А страх – это хорошо. Это полезно для здоровья, как говорит Сан-Саныч, мой боевой друг и наставник. А здоровьем тут никто разбрасываться и не собирается.

Тоха так Тоха...

Что у нас тут?.. Упс!

Спортивного приветствия с рукопожатиями, как у приличных боксеров, не получилось. Вражеский богатырь внезапно коршуном прыгнул вперед и по широкой дуге рубанул воздух правой рукой, целясь мне в ухо. Расправа планировалась быть короткой, жестокой и безапелляционной. Это как клопа прихлопнуть. Эффектно и не напрягаясь. В назидание грядущим и во славу госпитальной балки.

Только почему-то не вышло.

Эффект неожиданности не сработал. Просто, зная те самые секреты, о которых говорилось выше, из поля зрения я Тоху не выпускал с самого его первого шага. И начало его прыжка в мою сторону видел превосходно. Достаточно было лишь слегка присесть и скользнуть левой ногой по дуге чуть в сторону и прямо. В противоход. И, оказавшись сбоку, легонько толкнуть двумя руками Тоху в правое плечо.

Все-таки Тошка – хороший боец. По крайней мере, удержался на ногах, хотя и слегка потерял равновесие. Крутанулся на месте в поисках неожиданно пропавшей жертвы и, распаяясь, вновь прыгнул вперед к вожделенному уху. Ко всеобщему разочарованию – с абсолютно идентичным

приемом, отдаленно напоминающим боксерский свинг. Собственно, и я не мудрствовал лукаво. Вновь провалился вниз и скользнул влево. Попробовал толкнуть посильнее, благо и Тоха второй раз размахнулся пошире.

Молодец! И в этот раз не упал.

Что, опять?

А разнообразие? А красота боевого танца? Все мне да мне.

В третий раз, проведя аналогичные телодвижения, я не стал толкать противника, а просто звонко хлопнул Тоху по спине двумя ладошками. Да так, что с его плеч сорвалось в воздух облачко белесой пыли. С дружеской стороны слышались смешки и обидные реплики в адрес стремительно теряющего авторитет вражеского витязя.

Яростно сопя и обильно краснея пятнами, Тоха вновь рванул к ускользящей цели. На лбу, как на мониторе, было написано: «Сейчас буду бить не справа, а... слева». Ну хоть что-то новенькое. Теперь я сместился в правую сторону и успел похлопать Тоху аж два раза, как бы по-дружески. Мол, спокойнее, брат, не надо так нервничать.

Пыли уже не было.

Вокруг все уже откровенно посмеивались. Что характерно, с обеих сторон. Тоха яростно крутанулся на месте и неожиданно без замаха ударил правой. Прямым. Изучил, выходит, мой незамысловатый маневр. Сломал схему. Я просто отпрыгнул назад. Еще удар, еще и еще. И справа, и слева.

Я скакал козлом, уворачиваясь от несущихся в голову кулаков, а Тоха рубил и рубил воздух, не жалея сил. С бешеным и все возрастающим желанием добраться до этого мелкого и неуловимого гаденыша.

Со всех сторон галдели. Сыпались советы и комментарии, большей частью обидные. Причем в оба адреса. Шум все нарастал. Эмоции начинали зашкаливать. Кто-то просто орал: «Давай! Давай!! Давай!!!» – непонятно кого стимулируя к более активным действиям. Скорей всего, меня. Я ведь толком не нанес еще ни одного удара, если не считать обидных похлопываний по спине. Тем не менее распался не я, а мой противник, с каждой секундой теряя последние капли контроля над собой и наглядно демонстрируя окружающим слепое бешенство разъяренного носорога. Чего я, собственно, и добивался.

Все. Пора заканчивать.

Самое время.

Вычислив очередной предстоящий свинг справа, я не стал ни приседать, ни отскакивать назад. Просто сделал маленький и совершенно никем не ожидаемый шаг навстречу несущемуся кулаку. Да так, что траектория движения разящей кувалды проходила как раз за моим затылком. Вместе с разворотом против часовой быстро положил правую ладонь на левую скулу противника и, не прекращая скручиваться, толкнул его что есть силы по дуге вслед за улетающим кулаком. А левой ногой я ничего не делал, нет! Даже и не думал.

Я ведь шагнул, разворачиваясь правой! А левая – где стояла там и осталась, немного вытянувшись, сзади. Как раз в том месте, куда понесли Тоху его злоба, азарт и собственная инерция. Плюс мои нежные поглаживания по холке, чудом совпавшие с вектором Тохиного движения.

Это айкидо, детка...

Ай!

– Кидо...

Толпа дружно ахнула.

Тоха, рыкнув напоследок и пытаясь в полете оглянуться назад, звучно и эффектно врезался в землю. Повернулся в пыли, теряя боевой запал, крикнул... и вдруг неожиданно для всех тоненько заскулил. Пронзительно и жалобно...

Черт!

Плохо упал. На правый локоть.

Я бросился к поверженному сопернику и стал ощупывать ему руку. Ну слава богу! Не вывихнул. Перелома тоже вроде нет – не дергается от боли, когдажимаешь. Ушиб, скорей всего. Детские кости пластичные, для перелома нужно очень сильно постараться. Был бы взрослым – через час красовался бы в гипсе. А так – не страшно, заживет.

Мы тут, на секундочку, не в бирюльки играем. Территориальные войны, однако!

Весь пустырь шумно гомонил, обсуждая случившееся. Сонное и ленивое благодушие как корова языком слизнула. Некоторые горячие головы рвались уже в большую битву,

но... закон есть закон. Никто не вправе его нарушать. Горе побежденным, но ренегатам – горе вдвойне!

Здесь такого не прощают.

Меня тормошили и похлопывали по спине соратники. Кто-то совал к лицу пачку «Опала», отчего я в ужасе мотал головой, вежливо отказываясь от столь импульсивных знаков уважения. Тохе помогли подняться, и «балочная» ватага, вякнув что-то угрожающее (этикет же, куда без него?), убралась восвояси.

Только Тоха напоследок оглянулся, выискивая меня глазами.

Ох и нехорошо он посмотрел...

Глава 2

Назвался груздем... всей птичке пропасть

Вот я и говорю – поразительный потенциал у детского организма! Чудо-аппарат с семилетним пробегом. Трансформер Прайм. Настоящий Мегатрон, только из костей и мяса.

Шпагат в свое время я освоил за неделю. И продольный, и поперечный. Был бы наискосок – думаю, и с ним бы справился. Через месяц легко вставал на мостик из положения стоя, не теряя равновесия. И обратно. Разные фляки, сальто и прочие рондаты щелкались как орешки факультативно. А заодно – самые невообразимые удары в прыжках, толку от которых, если честно, не было никакого. Косметика одна. На злобу китайско-корейско-японского дня.

Сан-Саныч только ехидно посмеивался, наблюдая за моими пируэтами на татами. А один раз даже продекламировал в стиле хокку, выразительно закатив глаза в поднебесье: «О, танцор! Что мешает тебе? Скажи...»

Хайдзин доморощенный. Да бог с ним. Он тоже, кстати, учится. Отгачивает свое чувство юмора. Впрочем, не без успеха. Моя школа...

Но я не об этом.

Я о своем открытии. Насчет того, что в детском возрасте –

совершенству нет предела. Оказывается, взрослое сознание в теле ребенка может реализовать невиданные перспективы в плане физиологической моторики.

Экспериментируя и системно анализируя собственные ощущения, я открыл, что недостаток выносливости можно с лихвой компенсировать техникой активного расслабления. Сочетание нагрузок и микроскопически коротких мгновенных отдыха дает поразительные результаты. Регенерация мышечного тонуса в семь лет при правильном подходе просто нереальная. Можно бесчисленное количество раз подтягиваться на перекладине, бегать на невообразимые дистанции, плавать – хоть до Турции!

Хотя... это я уже хватил.

И вообще, не стоит о плавании. Осадочек, надо сказать, неприятный остался после моих осенних заплывов. Собственно, и весь букет прошлогодних событий флюидами радости не озонировал. Спасибо, что хоть группу оставили в полном составе. Будем считать, что это и есть главная награда за наши подвиги во славу социалистического Отечества.

Зато мое тело, как у полноценного мужчины, теперь украшают самые настоящие боевые шрамы. Правда, в труднодоступном для всеобщего обозрения месте. Тем не менее! Когда у Ирины, моего инструктора-теоретика, кончаются темы для ежедневных подколов, она сразу же тянется к козырям: «Зеркало подарить? Швы на шраме пересчитаешь». Или: «Не ерзай на стуле, обивку покарябаешь». Или вообще

что-то нейтрально-глубокомысленное: «Кто ищет, тот всегда найдет». И с выразительными взглядами, дающими возможность легко определить недостающие звенья данного умозаключения. Подразумеваются «приключения» и «задница».

И она права, моя боевая подруга, мастер наружки и внутренних стилей единоборств, специалист по криптографии и прикладной психологии, медик и... наоборот – антимедик. По обстоятельствам. Но в том или ином случае – спец экстра-класса. Ее правота заключается в том, что неприятности, приключения и проблемы с момента появления в детской голове взрослого сознания стали притягиваться ко мне с невообразимой силой. Трудно понять почему.

Может быть, дело в остроте детских ощущений?

Я заметил, что и зрение, и обоняние, и тактильные ощущения, да, собственно, и все остальные чувства у ребенка гораздо тоньше. У взрослых они притупляются, что ли. А с расширением спектра внешнего восприятия мир становится глубже, ярче и разнообразнее. А главное – понятнее и откровеннее.

Например, с помощью взрослого анализа на фундаменте детского восприятия я теперь легко определяю, врет человек или нет. Может быть, даже по запаху – механизмы этого процесса слишком глубоки и не совсем мне понятны. Или другое: с высокой степенью вероятности я могу просчитать потенциальную опасность, исходящую от того или иного человека. Большой частью – на интуитивном уровне. Не сто-

процентно, разумеется, идеализировать не стоит. Но гораздо шире и точнее, чем раньше, когда находился в теле взрослого человека.

Время тоже стало другим. Не в смысле эпохи, а в смысле темпорально-физической величины. Да вы и сами, наверное, помните: в детстве единица времени, допустим, час – чудовищно долгий период (особенно когда стоишь в углу или сидишь на скучном уроке). Для взрослого час – ничто, сквозняком пролетает.

Сейчас для меня время растянулось нереально, стало вязким и тягучим. Порой до тошноты.

Может быть, дело в скорости детского метаболизма? Быстрее происходит обмен веществ? Во всяком случае, скорость реакции у меня действительно стала выше. На целый порядок. Сейчас я, без всякого сомнения, быстрее, чем любой член нашей группы. Не хватает только практики и опыта, над чем я усиленно работаю в процессе наших тренировок. Если честно, идет пока туговато. Да и в спарках с нашими волкодавами реакция – слабое преимущество.

Сан-Саныч с чудесным позывным «Козет» незатейливо аннулирует мои финты точностью и силой. Ирина (позывной «Сатурн») – гибкостью и скоростью. Ее отставание от меня по быстроте реакции очень незначительное. А наш шеф, Сергей Владимирович (позывной «Пятый», возможно, он действительно «пятый» в иерархии местного управления безопасности), – он вообще уникал. Он берет своей...

медлительностью, показной неуклюжестью и непредсказуемостью. Его стиль – это цепь несуразных и чудовищно корявых телодвижений, в которых целая гамма финтов, ложных выпадов и обманок. Полная дезориентация противника, даже знакомого с подобными уловками. Но класс не переиграешь. Финал для всех одинаков – единственный удар либо захват на болевой, либо бросок. Для каждого разница лишь во времени.

Я, к примеру, проигрываю быстрее всего.

Значительно дольше держится против Пятого Козет, у которого низкий болевой порог и разнообразная школа стилей. Он их на ходу меняет, чем тоже дезориентирует противника. Пятого, конечно, не проведешь, но спарринг, как правило, затягивается.

И дольше всех держится Ирина. Хотя я подозреваю, что Пятый «джентльменничает» и просто любит нашу пантеру. В спарринге она наиболее хороша. Мягкий стиль, что и говорить: гармония с противником, вселенское равновесие, умиротворение, которое, впрочем, Пятый все равно неизбежно ломает... рано или поздно.

Вот такие у нас бойцы.

– Завтра работаем по «Березке», – как бы между прочим заявил Пятый, уложив наконец Козета на татами и потирая левое предплечье, на которое и поймал финальный удар Сан-Саныча с последующей закруткой и фиксацией агрессора.

Ненавижу! Ну просто терпеть не могу!

Дело в том, что нашу группу в последнее время все больше и больше привлекают на разработку местной фарцы. Центральный гнойник – магазин Внешпосылторга на улице Очаковцев «Березка». В нем отовариваются счастливицы, ходящие в Атлантику за треской и сельдью. Там чудо-товары отпускают по бросовым ценам: джинсы, магнитофоны, жевательные резинки и прочие радости забугорной жизни. Только вот большей частью ударники-рыболовы честно заработанные боны с заветной желтой полосой норвят обменять на традиционную валюту – с гордым профилем основоположника и с молоткасто-серпастым символом.

Причем по курсу один к шести! Нормально?

Лично для меня вся эта темная схема государственно-распределения благ отдавала стойким духом чудовищного маразма. Моряки получали боны для реализации в иностранных портах, но в наших (!) советских магазинах Внешпосылторга, в которых, разумеется, были иностранные товары. Для тех, кто не успел потратить эту псевдовалюту за бугром, был открыт местный магазин «Березка». Там тоже кроме всего прочего были вещи иностранного производства, но... похуже. Моряки – они дураки, что ли? Одной жвачкой сыт не будешь. Вот и сливали они вожделенные бумажки некондиционным страждущим заветного «Бабл Гама». На мой взгляд – вполне разумно. Но на взгляд родного Отечества – в рамках состава уголовного преступления,

предусмотренного статьей 88 УК РСФСР, пресловутой «бабочкой» на сленге валютчиков. От трех до пятнадцати лет. Неслабо?

Но страх не в этом.

Дело в том, что для разработки фарцы (что не наш, надо сказать, профиль) теоретиками Конторы (диванные полководцы, крапивное семя, ненавижу!) для нашей группы было рекомендовано прикрытие, которое один из кабинетных мудрецов загрифовал как «счастливая семейка». Романтик хренов. Выглядит этот шедевр конспирации так: Козет – папа, Сатурн – мама, ну и, соответственно, малолетний агент с позывным Старик, то бишь я, – сын. Сынок, сынуля, сынка, сыно-че-чек. Интересно, как еще извратится Ирина на этот раз?

У Сан-Саньча на сообщение шефа – ноль реакции, мраморное лицо монгольского сэнсэя даже не дрогнуло. Ирина же медленно расплылась в многозначительной улыбочке. На моей физиономии... впрочем, мне не видно. Зато Сергей Владимирович наблюдал за мимикой своих подчиненных с видимым удовольствием. Судя по выдержанной паузе.

– Задача простая, – невозмутимо продолжил он инструктаж спустя полминуты, – на «десятке» подъезжаете к рынку, гуляете в сторону Комсомольского парка, там мороженое, карусели (у Ирины сейчас лицо треснет от ухмылки: в этом парке аттракционы только для дошкольников), потом сын (убью ее когда-нибудь) начинает капризничать, требо-

вать жевательную резинку и так далее. Папаша предлагает купить боны у «Березки» – и вы двигаете туда. Фарца вас «срисует» еще в парке, поэтому все должно быть на-ту-раль-но.

– Об этом не беспокойтесь, Сергей Владимирович. – Ирина смахнула с лица свою жизнерадостность и невинно спросила: – Ребенка можно будет пару раз шлепнуть по попе, чтобы не ныл?

– Хоть голову открути. Не задавай дурных вопросов, веселиться потом будете. У «Березки» изображаете фраеров, мнетесь и прицениваетесь. Вычисляете самого вкусного толкалу, Старик определит (и на том спасибо). Покупаете сертификаты, жевательную резинку – и на базу. Дальше работает милиция. Расценивайте операцию как помощь смежникам. Социалистический субботник.

Помолчали, осмысливая.

– Сергей Владимирович, а можно... детализировать вводную?

Пятый внимательно смотрит на меня. Он конечно же понимает, о чем я спрашиваю. И размышляет. Вообще, группа очень внимательно относится к моей интуиции. Притягивание событий на недавно травмированную пятую точку – мое кредо в команде, товарная ниша и фирменный знак. В этом плане, я подозреваю, и заключается моя главная ценность.

– Можно. Только без фактов. И с учетом того, что этого вы знать не должны по статусу. И степени секретности.

– Теряем время на ненужные слова.

Вот так.

Мне даже дозволяется дерзить иногда – до известного предела, разумеется. Но в этом случае Пятый и сам понимает, что начинает учить отца... детей делать.

– Хорошо. Слушайте. Есть тенденция роста криминальной активности. По цепочке от обратного: «Березка» – магазин «Океан» – Центральный рынок – порт в Камышовой. Ну а дальше...

Вижу, что мнется, поэтому подсказываю:

– А дальше, Сергей Владимирович, Турция. Вы нам этого не говорили, разумеется. А мы этого не слышали. Все просто. Если в теме появился «тюлькин флот» (так называют у нас рыболовов из Камышовой бухты), значит, концы нужно искать за бугром. Болгария и Румыния отпадают. Сейнеры туда не заходят, идут напрямиком через Босфор и Дарданеллы в Атлантику. Греция и Италия – тоже. Потому как далеко, и рисковать смысла нет. К тому же таможенники там строгие. Не подмажешь. Остается Турция. Собственно, вы уже ответили на мой вопрос, Сергей Владимирович. Дальше мы сами.

У Пятого лицо каменного болванчика.

Он вздыхает. Кажется, на этот раз я попал до опасного точно.

– Вот что с тобой делать?

– Зеленкой лоб намазать.

– Успеется. Получай тогда еще информацию. Активность фарцы в этом году усилилась в весенний период. Это ненормально, так как сезон промышленного лова только на подъеме. Обычно они начинают шустрить осенью, после того как моряки возвращаются в порт из Атлантики и сбрасывают бонны. А сейчас – весной. Нонсенс.

Быстрый взгляд в мою сторону.

Я молчу. Потому что умных предположений нет. Просто мало исходных данных. Нечего сопоставлять.

Пятый опять вздыхает и выдает, на мой взгляд, главное:

– И еще. Стали пропадать люди...

Пауза.

Вот это да! Перевариваю...

– А это здесь при чем?

– Не знаю.

Вот и поговорили.

А! Так он это специально мне слил инфу, чтобы я попробовал увязать несвязуемое. Сравнить красное с коротким, да еще и свернуть из этого бантик. Ох, и не случаен этот разговор! И наш левый «субботник» становится гораздо понятнее. Да, Пятый, умеешь ты кадры мотивировать. Впрочем, подбирать тоже. Недаром в свое время уцепился за меня с первой же встречи.

– Все услышано, Сергей Владимирович.

– Вот и ладненько, сбор завтра здесь в четырнадцать пятнадцать. Форма одежды... впрочем... ну да, ну да...

Это он вспомнил про отцов-производителей.

Еще раз почесал синяк на предплечье, сокрушенно вздохнул и отправился в душ.

Глава 3

Тоска по нефритовому лотосу

Знатно же меня отоварили!

Простенько и убедительно.

Тысячу раз прав Сан-Саныч: будь ты хоть трижды Брюс Ли, в реальной темной подворотне – ты просто овощ. Груша для битья. Особенно если не знаешь диспозиции и хлопаешь варежкой. Шансов выжить, конечно, гораздо больше, чем у рядового гражданина, но все они легко сводятся на нет эффектом неожиданности.

А я и не ожидал ничего плохого. И варежкой хлопал так, что уши закладывало, – пытался систематизировать в голове полученную от Пятого информацию. Вот по этой самой голове и получил. От всей души.

Начинало смеркаться, когда я, спрыгнув с подножки троллейбуса, не спеша зашагал в сторону родного дворика. Здесь совсем недалеко – через улицу и по кварталам. Абсолютно безопасный отрезок пути.

Был.

Я уже подходил к стайке пятиэтажных хрущевок, за которыми приютились родные пенаты, когда услышал: «Эй, малой, помоги!»

Ничего не подозревая, я оглянулся на голос.

Метрах в трех из приподвальной ниши по ступеням поднимался белобрысый парень лет двадцати в спецовке и с охапкой какого-то тряпья в руках. Ноша не выглядела ни тяжелой, ни громоздкой, тем не менее, не чувствуя подвоха, я сделал пару шагов навстречу и тут же на грани подсознания почувствовал неладное.

Поздно!

В следующий миг пыльное тряпье оказалось у меня на голове, а тело перехватили так, что ребра затрещали. Меня, словно куль, потащили вниз, совершенно игнорируя жалкие попытки не очень весомого багажа хоть как-то взбрыкнуть. А там, не теряя ни секунды, кто-то второй несколько раз крепко приложил меня кулаком по голове. Прямо через дерюгу. Раза четыре, а может, и пять, да так, что я едва не вырубился. Нокдаун уж точно был. Удары пришлись в основном в левую часть моей многострадальной физиономии. Я даже дернуться не мог во время этой экзекуции, потому что тот белобрысый злодей в спецовке продолжал бережно прижимать меня к себе так, что вздохнуть было невозможно.

Куда мои семь лет против двадцати?

Потом меня, как отработанный материал, швырнули на сыру землю, скрипнули подвальной дверью, и только звук быстро удаляющихся шагов означивал завершение этого странного воспитательного акта.

Первое, что я сделал, – это смачно и звонко чихнул: то, что страшно хотелось сделать при первом же контакте с этой

пыльной и вонючей мешковиной. Раньше как-то не получалось. Потом я кое-как освободился от пут и привалился спиной к грязной стенке. В темноте плавали яркие гроздья феррических огней. Биение сердца отдавалось в голове болезненным колокольным звоном. Этот «кто-то второй», нанося удары, явно не соизмерял своих сил с моим нежным возрастом. Я потрогал разбитую губу и быстро заплывающий левый глаз. Потом оторвал кусок мешковины, намочил его под стружкой сочащейся из трубы воды и прижал к лицу.

Вот так. Чем быстрее охладить гематому, тем менее выразительными будут визуальные последствия. Хотя в данном случае...

Я, кряхтя и шатаясь, встал на ноги и направился вон из подвала.

Прыгать, говоришь, красиво научился? Как завещали незабвенные китайские мастера? Любимый удар – «Порхающая бабочка сметает пыльцу с нефритового лотоса».

М-да...

Чего же сейчас-то не порхалось? Видимо, что-то все же мешает нашему танцору...

Губа стала болезненно пульсировать. Все удары пришлись в одну сторону. Слева. Значит, злодей бил одной рукой. Справа. По длинной дуге, судя по фиксированным временным промежуткам. Кто у нас так бьет?

Да чего там анализировать.

От кого прилетит, я уже точно знал – еще до окончания

транспортировки моего обездвиженного тела в темноту подвала. Скажу больше. Что-то подобное я даже предполагал с того самого момента, когда поверженный не далее чем вчера Тоха Исаков выискивал меня глазами в толпе триумфаторов нашего района. Только его оперативность меня несколько смущает. И это лишь первая странность.

Есть и вторая. Дело в том, что в наши пацанские разборки запрещается привлекать взрослых участников. Это – табу. Налицо – грубейшее нарушение всяческих мальчишеских правил и традиций. Вплоть до процедуры публичного ostracism. А он на это пошел. Почему?

Есть еще и третья.

Ответка не должна прилетать анонимно. Обиженная сторона, встающая на тропу вендетты, совершенно не заинтересована в конфиденциальности. «Вернуть лицо» можно только при наличии восхищенной аудитории, выносящей неписанный вердикт о свершении акта справедливости.

Тогда что же произошло?

Тупое мочилово якобы неизвестными лицами? Ради какой цели? Чтобы потешить ноющую жажду мести? Расправа ради расправы? А мораль? Я чего должен понять-то? Кого заботиться на всю оставшуюся жизнь? Ерунда какая-то.

Странно все это. И необычно.

Вот и мой подъезд. Только мне пока сюда рановато.

Я зашел в соседний, поднялся на второй этаж по скрипу-

чей лестнице и, с трудом дотянувшись до звонка, вонзил палец в кнопку. Раздались шаркающие шаги, и дверь открылась.

– Здравсте, баба Рая! К вам можно?

– Заходи, милок. Заходи. Не разувайся. Не прибрано. Ты откель такой красивый?

– Так, споткнулся...

Когда отца Трюханова забрали в СИЗО, Вадим остался жить с бабушкой¹.

О моей роли в разоблачении мичмана-двурушника они, разумеется, ничего не знали и знать не могли. Я же, мучаясь интеллигентскими комплексами, стал чаще заходить в гости к Трюхе. А с бабой Раей мы и раньше чуть ли не дружили. Боевая медсестра со времен Великой Отечественной в моем плачевном положении была более чем кстати.

– А ну-ка, давай сюда эту грязь. – Баба Рая отобрала у меня тряпку и подтолкнула в сторону кухни. – Деретесь все и деретесь. На, приложи! Только разморозила.

Она припечатала к моей испорченной физиономии смачный кусок говядины, сочащейся красным.

– Ниче се! Кто это тебя так, Булка? – Это из комнаты появился Трюха, местный пироманьяк и поджигатель. – Это что, Тоха, что ли?

Понятно?

А ведь Трюха и не аналитик вовсе. И далеко не Сократ.

¹ См. первый роман серии «Фатальное колесо».

Ишь ты, даже не напрягаясь определил злодея.

– Не знаю точно, Вадюха. Темно было. Я чего зашел-то. Ты ведь с Исаковым, ну, с Тохой, учишься вместе?

– Ну.

– А где живет, знаешь?

– Ну где-то за балкой...

– Понятно, что за балкой. А точнее?

Трюха наморщил свой широкий лоб.

– Давай сюда мясо, – прервала нас баба Рая, – а ну, выше голову. Терпи, солдат.

На губе зашипело. Ваткой, смоченной в перекиси водорода, она стала врачевать мои боевые раны, крепко ухватив за подбородок.

– Вадюха, вспоминай, – просипел я сквозь сжатые зубы.

– Ну, дом там... с крышей... ворота железные... зеленые...

– Спасибо, баба Рая. Вадим! Ты показать сможешь?

– А зачем тебе? Поджечь хочешь?

Нет, он неисправим!

– Я вам подожду! Оболтусы. Так подожду, что задницы тушить придется!

– Баб Рая! Вы же меня знаете! Какие поджоги? Я образцовый и законопослушный первоклассник. И хорошо влияю на Вадика. Вы же сами говорили!

– Образцовый. Вон у тебя под глазом образец твой. Мясо еще приложи.

– Так это я с брусьев упал. На тренировке.

– А дом ищешь, где брусья живут?

Старая школа. Фронтовики! На мякине не проведешь.

Я вздохнул.

– Баб Рая, брусья – это официальная версия. Для родителей. Тебе скажу по благу: кто фонарь подвесил – понятия не имею. Может, и Тоха. Разобраться хочу.

Прямо кожей чувствую, как оттаивает пожилая, опаленная войной медсестра, навидавшаяся за свою долгую жизнь такого, чего нам, соплякам, и не снилось даже. Да и не только соплякам. Ведь всего-то и надо в общении с ней не врать.

Интересно, а почему так фронтовики врунов не любят? Я ведь это давно заметил. Может быть, это как-то связано с проблемой выживаемости в годы военного лихолетья? Врет – значит, человек ненадежный. И такого спину прикрывать не оставят. Наверное, так...

– Ладно. Пойду. – Я спрыгнул со стула. – Спасибо, баб Рая. Все а-атлична! (Ее любимое выражение.) Вадюха, я зайду перед школой. Давай на полчасика раньше выйдем. Покажешь этот домик с крышей. Лады?

– Ну.

– Чего ты – ну да ну, – неожиданно напустилась на него бабуля, – сказано покажешь – значит, покажешь. Попробуй проспать...

И подмигнула мне. Озорно, по-девчачьи.

Вот так!

Иногда мне кажется, что она подозревает... сколько мне лет на самом деле.

Уходить по-английски легко.

Вы попробуйте прийти так же.

Вот у меня, к примеру, не получилось. Да и любой англичанин сдулся бы на моем месте. Возвращение домой оказалось шумным и эффектным.

– Да что же это творится такое?! Что за тренировки у вас такие дикие? Я вот приду завтра к вам в спортзал. Поговорю с этим вашим тренером. Они что, решили изуродовать мне ребенка? А ну иди на кухню, сюда, к свету. Боже! Как можно умудриться – вот так упасть? Подожди, сейчас зеленку принесу...

– Мама, стой! – кричу в ужасе. – Не надо зеленку! Мне обработали уже все перекисью и... стрептоцидом.

Зеленка! Не дай бог!

– Да подрался он, – флегматично заявил отец, только бросив взгляд в мою сторону из-под газеты, – в глаз получил за что-то.

– Он на пустыре каждую субботу дерется, – заложил меня с потрохами родной четырехлетний брат и тут же непоследовательно подставился сам: – А ты мене туда ходить не разрешаешь...

– Не мене, а мне, – автоматом восстановила гармонию мать. – Витя, это правда? Ты подрался?

Вот зачем ей это надо знать?

К чему эта вселенская борьба за истину? Бабу Раю, по крайней мере, я понять могу. Привычка фронтовая. Но здесь – ведь хватит и сотой доли настоящей правды, чтобы вся семья (кроме Василия, разумеется) поседела в одиночестве. Так нет же. Тележурнал «Хочу все знать». Для выводов, наставлений и срочно принятых мер. В назидание и во избежание...

– Так правда или нет? – Пауз в нашем доме не приемлют.

– И да, и нет, – сел я на привычного философского конька, – по субботам деремся, это правда. Но не вразправдашне. Просто боремся, так, для смеха. Без синяков. Но это по субботам. Так? А сегодня что? Правильно, воскресенье. У меня сегодня что? Правильно, тренировка. Откуда я и пришел. Ссадины у меня – что? Обработаны, правильно? Ты же медсестра, мама. Видишь? Меня что, избили и сразу залечили? Неувязочка получается.

Против логики не попрешь. Тем более что мама, как человек продвинутый, логику уважает.

– Нет, ну нельзя же так. Осторожнее надо быть. Смотреть, куда прыгаешь.

Уже лучше. Мать явно остывает. Никуда она не пойдет, можно расслабиться. Впрочем, еще один штришок для восстановления общего благодушия.

– Я просто, мам, упражнения стал осваивать более сложные. Тренер говорит, задатки хорошие. Возможно, это се-

мейное. От папы с мамой. Предлагает через пару лет и Василия посмотреть, как постарше станет. Не будешь возражать?

Краем глаза я заметил, как батя, сидя на диване, пытается втянуть животик.

– А что, – сказал он, – я тоже когда-то...

– Он тоже, – заворчала мать. – Ты-то сиди там. Посмотрим с Василием. Поживем – увидим. Рано ему еще.

– Так я и говорю – через два года.

В прошлой жизни Василий лет в десять стал заниматься акробатикой, и довольно успешно. Я подозреваю, что так он выражал своеобразный протест против постоянного подтягивания его в гуманитарных науках со стороны матери.

Ну что ж, пускай его разбег начнется пораньше.

Будем считать, что синяки легализованы.

За что же мне прилетело?

Глава 4

Прекрасное и ужасное

– Вон тот. – Трюха ткнул чумазым пальцем в сторону добротного частного дома под оцинкованной крышей.

Вот где он грязь находит? Вчера возле бабули был чист, как младенец. Утром тоже – умыт, причесан. Через пятнадцать минут нашего путешествия по вражескому закулисью – пальцы уже грязные. В карманах, что ли, землю носит?

– Все. Ближе не подходим. Дуй в школу.

– А ты?

– У меня освобождение, – не моргнув глазом заявил я, – пластырь на щеке видишь?

– А ранец зачем взял?

Да он не так глуп, как кажется.

– Давай-давай. Иди, опоздаешь. У меня от первого урока освобождение. Сейчас мне вон в больницу надо. Иди, я сказал.

– Ну и дурак, – обиженно и абсолютно нелогично буркнул Трюха, развернулся и тронулся в школу.

Вот лишь бы ляпнуть что-нибудь.

– Тохе ничего не говори, – бросил я ему вслед.

Не поворачиваясь, он в ответ махнул рукой. Мол, понял.

Я осмотрелся. Слева старинный высокий забор. За ним –

территория инфекционного отделения городской больницы. Сюда я и показывал, когда врал Трюханову, что мне нужно к врачам. Детвора не знает специализации этого медицинского закутка, вынесенного еще в довоенные времена за пределы городской черты. В наши дни этот район уже практически центр города, хотя местность по-прежнему глухая и неухоженная. Такие вот особенности ландшафта – балки, пригорки.

Справа – длинный ряд одноэтажных домиков самого разнообразного калибра. Между забором и домами – начинающая зарастать весенней зеленью грунтовка. Местность высокая – гребень холма между Загородной балкой и проездом Сеченова, который в простонародье кличут Госпитальной балкой. Ближе к морю – огромное старинное кладбище, где лет десять уже никого не хоронят. Кстати, там у нас покоится дед-фронтвик, погибший уже после войны на стройке. На войне – за четыре года ни единого ранения, а через десять месяцев мирной жизни подорвался на авиабомбе, застрявшей в полуразрушенном фундаменте. Успел только познакомиться с бабушкой и дождаться рождения моей мамы.

Судьба.

Сейчас старое кладбище превратилось в жутковатые заросли непроходимого кустарника, среди которого тут и там виднелись покрытые мхом памятники и развалины старинных склепов. Там очень любила тусоваться шпана постарше, цыгане, блатные, игровые и всякий другой асоциальный эле-

мент. В городе это место традиционно признано источником жутких страшилок и душераздирающих легенд.

Хотя на самом деле здесь очень красиво, буйствовала сирень. Вдали синело море. Справа – усыпанные весенними цветами персиковые, вишневые и абрикосовые деревья между домами. Запах – одуреть. Живи да радуйся.

Только я не радоваться сюда пришел. Работать. Встряхнув ранцем, я полез на стену больничного забора. Метра три высотой. Хорошо, что ракушечник старый и весь в щербинах от пуль и осколков. Лезть легко. Наверху – густые заросли дикой акации. Неделя-другая – и она зацветет буйным ароматным цветом. Пока лишь молодые салатные листочки, но благодаря им снизу меня практически не видно. По крайней мере, я на это рассчитывал.

Держась за ветки деревьев, я прошел по верху забора до столбика, как раз напротив дома Исаковых. С удобством расположился и стал наблюдать.

Крепкий и богатый по этим временам каменный дом выходил фасадом прямо на улочку. Так здесь и строят, в отличие от северных широт нашей страны, где почему-то норвят все спрятать за высоким забором, большей частью – из уродливой доски-горбыля. Слева к дому прилепился крытый кирпичный гараж с зелеными воротами (прав был Трюха насчет колера). Справа – калитка и небольшой кусок сетки-рабицы. За калиткой – палисадник, над которым клубились начинающие зеленеть виноградные лозы. В глубине угадывал-

ся огромный участок с лабиринтом хозяйственных построек татарского образца. Конца не было видно – участок нырлял в балку.

Во дворе было оживленно. Крутилась многочисленная дедовщина, пробегали женщины, неспешно ходили мужчины. Никого из них я не знал. Видел Тоха, Антона Исакова. Он был в синей школьной форме и с портфелем. Крутил головой и что-то резко отвечал наседающей на него древней старушке, очень колоритной, надо сказать, пожилой женщине. Настоящая Иске Аби. Закончив пререкаться, непочтительный внук взял у Аби холщовую сумку и решительно шагнул в сторону калитки. Сменная обувь, догадался я. Обязательный атрибут примерного школьника. И раскаленный прут для ладони хулигана.

Тоха вышел через калитку и тут же зашвырнул «сменку» в кусты рядом с гаражом. Расстегнул куртку и верхние пуговицы голубой рубашки, слегка подкатал рукава, чтобы торчало все нарочито неаккуратно. Взъерошил волосы. Тут все понятно – приводил форму одежды в соответствие со статусом недисциплинированного школьника. Такой вот устоявшийся дресс-код. Однако в школу идти пока не торопился.

Кого он ждал?

В нетерпении Тоха пинал портфель то одним, то другим коленом. А ведь там должна быть чернильница! Так называемая «непроливайка», которая чудесным образом почти всегда проливается на учебники и тетради. Особенно если пи-

нать вот так. Портфель в конечном итоге полетел на скамейку, а Тоха начал метать камни в больничный забор. Аккурат в то место, над которым, между прочим, сейчас я и притаился. Этого еще не хватало! Снаряды летели не особо кучно. Некоторые из них проносились в опасной близости от моей головы, исчезая в глубине обитания туберкулезников и гепатитчиков.

Да! Тяжело им тут живется.

Наконец из калитки вышел... такой же Тоха, только на голову выше и на полкорпуса шире. Видимо, брат. Отпустил родственнику приветственный подзатыльник и...

А вот это интересно!

Под легкой брезентовой штормовкой на Тохином брате знакомая спецовка! Застиранный бледно-зеленый комбинезон. Точно такой же, в какой был одет вчерашний блондинистый злоумышленник, затащивший меня в подвал. Только... тогда точно был не брат Тохи. Злодей ростом выше и гораздо стройнее. И волосы намного светлее. Да и вообще трудно спутать татарскую кровь с типичным русаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.